

Г. Л. Соболев

Блокада Ленинграда: от новых источников к новому пониманию

*Не им постигнуть то,
Что сам ты знаешь,
Как ты, мой современник,
Умираешь, как дышишь ты,
Что видишь, чем живешь.*

Лев Успенский (1942 г.)

**Соболев Геннадий
Леонтьевич,**
*житель блокадного
Ленинграда,
доктор исторических
наук, профессор,
заслуженный работник
высшей школы РФ,
заслуженный деятель
науки РФ,
почетный профессор
Санкт-Петербургского
государственного
университета
(Санкт-Петербург)*

Мне как историку блокадного времени очень хочется верить, что когда-нибудь в нашей стране придут к пониманию очевидной для специалистов необходимости опубликовать все документы, имеющие прямое или косвенное отношение к истории обороны и блокады Ленинграда. Без этого вряд ли можно понять и объективно исследовать это уникальное явление в истории Второй мировой войны. Начать надо с публикации всех документов директивных органов, определявших судьбу Ленинграда. Необходимо также опубликовать документы из личного фонда А. А. Жданова, хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории; документы военных советов Ленинградского и Волховского фронтов из Центрального архива Министерства обороны РФ; документы Ленинградских городского и областного комитетов партии из Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга; документы Ленинградского городского совета депутатов трудящихся и Ленинградской городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга; документы Управления НКВД и НКГБ по Ленинграду и Ленинградской области, хранящиеся в архиве Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-

Петербургу и Ленинградской области. В идеале это должны быть фондовые публикации, как это принято в мировой практике при изучении важнейших событий, а пока мы имеем несколько разрозненных тематических публикаций документов, выход каждой из которых зависел от политики КПСС в области идеологии, и потому был связан с преодолением цензурных барьеров (разумеется, это в первую очередь относится к публикациям, вышедшим в советское время).

Первые сборники официальных документов, регламентировавших жизнь в осажденном Ленинграде, были изданы небольшим тиражом еще в годы войны и блокады. Это был «Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени», который вышел в трех выпусках в 1942–1945 гг.¹ В 1944 г. был опубликован первый том сборника документов и материалов «Ленинград в Великой Отечественной войне», подготовленный сотрудниками Ленинградского Института истории партии под редакцией С. И. Аввакумова. Хотя это издание состояло в основном из материалов ленинградской печати, в нем были и редкие документы, как, например, впервые опубликованные сведения о нормах выдачи хлеба населению Ленинграда в 1941–1943 гг.² Второй том этого сборника, подготовленный под редакцией К. Г. Шарикова и охватывавший события 1943–1944 гг., также затрагивал некоторые стороны жизни блокадного Ленинграда, хотя основное внимание в нем уделялось, как и в первом томе, деятельности Ленинградской партийной организации³. Такой же характер носил и выпущенный в 1945 г. сборник «Ленинград дважды орденоносный»⁴.

Можно утверждать, что партийное руководство Ленинграда во главе с А. А. Ждановым намеревалось дать этой публикаторской работе определенное направление, что видно из принятого 5 января 1944 г. решения Ленинградского обкома ВКП(б) о подготовке и издании сборника статей и материалов, освещающих опыт работы трудящихся Ленинграда за годы войны и блокады. Темы для этого сборника поручалось наметить А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину и П. С. Попкову⁵. К сожалению, о судьбе этого так и не вышедшего из печати сборника можно строить только предположения. Скорее всего, он так и не был подготовлен, хотя нельзя исключать, что его материалы могли быть уничтожены в результате «ленинградского дела».

В 1945 г. были опубликованы два важных документа — «Акт Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятниками города за период войны и блокады» и «Доклад об итогах расследования злодеяний и учета ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Ленинграду». Созданная в мае 1943 г. под председательством А. А. Кузнецова Ленинградская городская комиссия, в которую наряду с партийными и советскими работниками вошли известные деятели культуры и науки, проделала огромную работу, обобщив данные от 6445 комиссий, созданных на предприятиях, учреждениях и организациях. Эти данные нашли достаточно

полное отражение в опубликованных в 1945 г. документах Ленинградской городской Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, за исключением сведений о смертности населения от голода, хотя в представленном в Чрезвычайную Государственную Комиссию докладе об итогах расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков отмечалось, что «в результате голодной блокады в Ленинграде погибло 632 253 человека»⁶. По-видимому, было решено, что сводные данные о смертности ленинградцев от голодной блокады должны были быть впервые оглашены на Нюрнбергском процессе, и в этом был определенный политический и психологический расчет: эти данные должны были стать обвинением Международного трибунала в адрес немецко-фашистских захватчиков, исключая другие толкования и сомнения.

К великому сожалению, сфабрикованное в 1949–1950 гг. «ленинградское дело» не только прервало на многие годы начавшееся с таким трудом изучение истории обороны и блокады Ленинграда, но и привело к невосполнимой утрате многих ценных документов, материалов и экспонатов. В богатейшей коллекции печатных материалов «Ленинград в Великой Отечественной войне», собранной сотрудниками Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, из 50 тыс. различных материалов сохранилось менее половины — около 20 тыс.⁷ Почти полностью были уничтожены экспонаты и фонды Музея обороны Ленинграда, созданного на основе выставки «Героическая оборона Ленинграда», открывшейся в апреле 1944 г. в Соляном городке и насчитывавшей более 10 тыс. поистине бесценных экспонатов⁸. В фондах Музея обороны Ленинграда хранились материалы из личных архивов, дневники, письма, фотографии, личные вещи солдат и офицеров, партийных и советских работников и простых ленинградцев. Хотя экспонаты и фонды Музея обороны были в значительной степени утрачены, они запечатлелись в памяти всех, кто успел посетить Музей до закрытия, а это были сотни тысяч ленинградцев и гостей города. Замечательный путеводитель по Музею обороны Ленинграда, составленный его директором Л. Л. Раковым, арестованным после закрытия Музея, стал не только прямым обвинением тем, кто его уничтожил, но и важным историческим источником для изучения блокады⁹.

Перелистывая теперь страницы этого путеводителя, я оказался во власти собственных впечатлений от посещения Музея вместе с моими одноклассниками в 1946 г. Прежде чем устремиться в здание Музея обороны Ленинграда, мы с большим любопытством стали рассматривать расположенные напротив Музея немецкие трофеи, среди которых были: огромная пушка (если я не ошибаюсь, это была 420-мм мортира «Толстая Берта»), осадные орудия, танки «Тигр» и «Пантера», самоходные орудия «Фердинанд». Но больше всего, конечно, наше воображение поразило увиденное в самом Музее: огромные карты-схемы, показывавшие, как проходила битва за Ленинград в различные периоды его обороны, красочные панно и портреты летчиков-героев Советского Союза М. П. Жукова, С. И. Здоровцева и П. Т. Харитонов, и, конечно, личные вещи и оружие воинов. Не могли никого оставить равнодуш-

ными стенды, отражавшие борьбу с голодом. На одной из витрин экспонировались образцы продукции пищевой промышленности блокадного времени, рассказывалось об усилиях научно-исследовательских институтов по изысканию пищевых заменителей из промышленного сырья. Здесь посетители могли увидеть образцы разных блюд, приготовленных из ремней свиной кожи, снятых с текстильных машин. Особенно привлекал внимание макет ленинградской булочной с ее главным предметом — весами, на одной чаше которых находились 2 маленькие гирьки, а на другой — 125 г хлеба. Над весами расшифровка состава хлеба в декабре 1941 г.: мука ржаная дефектная — 50 %, соль — 10 %, жмых — 10 %, целлюлоза — 15 %, соевая мука, мучная пыль, древесные опилки — 5 %. Тем не менее, некоторым посетителям показалось, что жизнь и быт блокированного Ленинграда могли бы быть представлены более ярко и открыто в своих деталях¹⁰. Теперь мне думается, что и здесь негласно присутствовала установка А. А. Жданова «не переборщить упадок». Зато представленная по соседству экспозиция, посвященная Ладожской «Дороге жизни», отличалась своим ярким оформлением — фотоснимки, диапозитивы, макеты показывали не прекращавшееся движение грузов по Ладоге во все времена года. Для Ладожского раздела были также изготовлены панорама трассы, панно и электрифицированная карта с обозначением ледовых трасс, наших зенитных батарей и огневых точек вражеских позиций.

И все же самые сильные впечатления составляли реальные предметы жизни блокадного города. Я навсегда запомнил так поразивший меня в одном из залов разбитый прямым попаданием снаряда трамвай. К сожалению, его не пощадили, когда закрывали в 1949 г. Музей обороны Ленинграда: вывезли на свалку и уничтожили.

Заключительные залы Музея обороны Ленинграда были посвящены полному разгрому фашистских войск, державших непокорный город в блокаде почти 900 дней. В этом разделе посетители видели танк Т-34, участвовавший в прорыве блокады и уничтоживший у деревни Марьино три противотанковых орудия противника и затем первым ворвавшийся в Красное Село; 120-мм миномет шести братьев Шумовых из Сибири, выпустивших по противнику более 30 тыс. мин и уничтоживших более батальона фашистов, 9 вражеских дзотов, 24 пулемета и др. Характерно, что посещение Музея обороны Ленинграда врезалось в память многих ленинградцев, о чем можно судить и по воспоминаниям жителей блокадного Ленинграда.

Первой научной публикацией по истории обороны и блокады Ленинграда стал вышедший в 1966 г. сборник документов «900 героических дней», подготовленный ленинградскими архивистами совместно с сотрудниками Ленинградского отделения Института истории АН СССР¹¹. При подготовке этой публикации к печати составители оказались в трудном положении: во второй половине 60-х гг. наступил очередной этап ужесточения и «идеологического зажима» в области общественных наук, и надеяться в этих условиях сделать достоянием гласности хотя бы некоторые из документов, находящихся на специальном хранении, не приходилось. Достаточно сказать, что за публикацию в сборнике «Приказа главнокомандующего

Северо-Западным направлением К. Е. Ворошилова об организации обороны Ленинграда» от 20 августа 1941 г., проходившего по секретной описи, директор Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда Х. Х. Камалов был уволен. А все дело было в 10 пункте этого приказа, который гласил: «Вооружить рабочие батальоны винтовками, охотничьими ружьями, пулеметами, ППД, гранатами, бутылками с горючей смесью, а также холодным оружием, саблями, кинжалами, пистолетами и др.»¹² Те, кто определял, что можно писать об этом, не хотели, чтобы правда о реальном положении с вооружением в ополчении и рабочих батальонах стала достоянием печати. Вряд ли поэтому стоит удивляться, что из более чем трех тысяч выявленных к публикации документов в сборник «900 героических дней» вошли только 127¹³. Составителям пришлось пойти по пути отбора и включения в состав сборника в первую очередь документов отчетного характера — докладов, докладных записок и отчетов за довольно длительные промежутки времени, иногда даже за весь период блокады. В результате были впервые опубликованы сведения Ленинградской городской эвакуационной комиссии об эвакуации населения из Ленинграда за период с 29 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г.; докладная записка А. А. Жданова в Государственный Комитет Обороны о результатах эвакуации из Ленинграда промышленных предприятий (октябрь 1943 г.); сводные материалы о военной работе в Ленинграде с начала Великой Отечественной войны по октябрь 1943 г.; отчет о работе местной противовоздушной обороны Ленинграда за 1941–1944 гг.; извлечение из отчета Ленгорплана «Ленинград в период войны и блокады» о снабжении города продовольствием, топливом, электроэнергией, о работе транспорта и бытовом обслуживании населения за период с июля 1941 г. по январь 1943 г.; докладная записка отдела торговли Ленгорисполкома о торговле в Ленинграде за период с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1942 г.; докладная записка о развитии сельского хозяйства и огородничества в Ленинграде за период войны; отчет о работе здравоохранения Ленгорисполкома за период с 1 июля 1941 г. по январь 1943 г. и др.

Констатируя ценность помещенных в сборнике «900 героических дней» отчетных материалов, вместе с тем нельзя не заметить, что они датированы, как правило, 1943 годом, и в них заметно стремление их авторов исходить в оценках событий и фактов из установки ленинградского руководства «не переборщить упадок». Проблема смертности в этих материалах даже в отчете отдела здравоохранения Ленгорисполкома присутствует в самом общем виде. Отчет о работе по охране здоровья детей от 26 июня 1943 г. начинается с неуместной риторики: «Забота о детях в Ленинграде за годы Великой Отечественной войны — это одна из блестящих страниц в истории обороны Ленинграда. Это — одно из самых ярких доказательств неусыпного внимания партии и правительства к детям, к нашей замечательной смене»¹⁴. И весь отчет подогнан под этот тезис. В отчете отдела народного образования о работе ленинградских школ в 1941/42 учебном году специально подчеркивалось, что «ленинградские городские организации, лично т. Жданов чрезвычайно внимательно относились к нуждам уча-

щихся», которые «в течение двух месяцев получали суп без вырезки талонов из продовольственных карточек, несмотря на тяжелое положение с продовольствием в городе». И далее мимоходом констатировалось, что «за зимний период в связи с холодами, голодом и истощением происходил отсев из школ...»¹⁵ И ни слова о самой смертности.

Наконец следует особо сказать о двух документах, опубликованных составителями из фонда Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Это, во-первых, сведения о жертвах среди населения от артобстрелов, бомбардировок и голодной блокады, установленные на май 1945 г. по 15 районам Ленинграда и по Колпино и Кронштадту¹⁶. Сведенные в таблицу по районам города, эти данные показывали, как получилась общая цифра потерь населения от голода в 632 253 человека. А получилась она, как видно из этой таблицы, путем механического сложения представленных районными комиссиями сведений о 440 826 погибших от голода и 191 427 персонально установленных по централизованному учету отдела актов гражданского состояния. Сложение этих разнородных данных дает основание считать полученную таким образом общую цифру потерь населения Ленинграда от голода достаточно условной. Изучая в свое время материалы Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, я неоднократно встречал многочисленные акты о смерти ленинградцев от голода, поступавшие в эту комиссию в 1945-м, 1946-м и даже в 1947 г. И эти акты учитывались Ленинградской городской комиссией, которая на своих заседаниях периодически пересматривала общую цифру потерь в сторону ее увеличения¹⁷. В силу многих причин, и прежде всего вследствие того, что в тяжелых условиях блокады не было возможности вести точный учет умерших от голода, утраты в бомбежках и артобстрелах документации, отсутствия сведений о гибели целых семей и родственников многих тысяч ленинградцев, не возвратившихся из эвакуации, данные районных комиссий в 1945 г. не могли быть исчерпывающими. Достаточно сказать, что даже в 1947 г. в Городскую комиссию поступали заявления от демобилизованных военнослужащих, у которых погибли семьи в период блокады. Установить в тех условиях, погиб тот или иной человек в блокированном Ленинграде или он находился в эвакуации, было не всегда возможно. Именно поэтому в более поздних материалах Ленинградской городской комиссии можно обнаружить другие данные о смертности ленинградцев в годы блокады. Однако, как явствует из опубликованной в сборнике «900 героических дней» выписки из протокола заседания Чрезвычайной государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников от 15 июня 1945 г., эта Комиссия, рассмотрев предоставленные Ленинградской городской комиссией 130 265 актов об ущербе, причиненном гражданам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям, и на основании материалов о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, установила:

«1. За 900 дней беспрецедентной осады Ленинграда и во время оккупации его пригородов немецко-фашистские захватчики и их сообщники чинили чудовищные злодеяния и зверства над мирным населением. Они сбросили с самолетов 107 тыс. фугасных и зажигательных бомб и выпустили по Ленинграду 150 тыс. тяжелых артиллерийских снарядов. Гитлеровцы убили и замучили 29 721 мирного советского гражданина, ранили 33 782 мирных жителя, угнали в немецкое рабство 48 751 советского гражданина. В результате блокады умерло от голода 641 803 чел.»¹⁸ Далее шли еще четыре пункта этого постановления, раскрывавшие огромный ущерб, нанесенный промышленности и транспорту Ленинграда, его культуре и науке. Но главное содержалось в процитированном выше первом пункте, а оглашенные в нем данные не подлежали теперь уже пересмотру.

Следующий сборник документов о блокаде Ленинграда появился только спустя 30 лет после выхода из печати сборника «900 героических дней». Новый сборник документов «Ленинград в осаде»¹⁹ готовился и издавался в совершенно иной политической обстановке в стране, и это самым благотворным образом отразилось на его качественном составе и научном уровне публикации в целом. «Высоко оценивая важность архивных источников, мы хотели бы дать современнику полную картину обороны Ленинграда в документах, — писали во введении составители. — Но для этого потребовалась бы целая серия томов. Такой возможности мы не имеем. Мы вынуждены ограничиться более скромной целью — расширить представление читателя о драматической и героической странице истории нашего города. Эта задача в настоящее время вполне выполнима. Рассекречивание значительной части архивных фондов дало возможность сотрудникам пяти крупнейших архивов города и области собрать комплекс в подавляющем большинстве не опубликованных ранее документов»²⁰. Сотрудники этих пяти архивов заслуживают здесь быть названными поименно: Т. П. Бондаревская, И. И. Сазонова, М. А. Антифеева, Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга), А. К. Бонитенко (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга), И. Б. Лозинская (Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге) и сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН Е. М. Балашов²¹.

Почти 230 ценнейших документов, сгруппированных составителями по тематическому принципу в девяти разделах сборника, действительно весьма существенно расширяют и углубляют наши представления о самых различных сторонах обороны и блокады Ленинграда. Не имея здесь возможности дать хотя бы краткую характеристику всех документов, к которым мы будем неоднократно обращаться далее, хотелось бы в первую очередь сказать о документах, представленных в разделе «В тисках голода» — о продовольственном снабжении и транспортных коммуникациях осажденного города, — а также в разделе «Все шире братские могилы...» — о смертности, болезнях и эвакуации ленинградцев. Особо выделим здесь публикуемую секретную «Информационную записку о хлебных ресурсах Ленинграда», в которой детально показано состояние хлебных запасов города в канун войны

и в первое военное полугодие; а также «Отчет Городского отдела торговли о работе с июня 1941 по сентябрь 1943 г.», обстоятельно подготовленный его заведующим И. А. Андреенком. С публикацией в сборнике раздела «Похоронное дело» из отчета городского управления предприятиями коммунального обслуживания за первый год войны исследователи наконец получили в свое распоряжение полный отчет треста «Похоронное дело» и, что немаловажно, возможность сослаться на этот засекреченный многие годы документ. Соглашаясь с составителями в том, что на сегодня это единственный документ, в котором, хоть и с оговоркой на возможное завышение, дается общая цифра захороненных и кремированных, вместе с тем не могу не выразить недоумения, почему составители не сочли необходимым отметить в комментариях к этому документу тот факт, что эти «единственные официальные данные о числе захоронений» уже давно были введены в научный оборот историками²².

В заключительный раздел «Следы войны. Последствия осады» вошло всего пять документов, из них два — уже опубликованные: извлечение из Акта Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских преступников и их сообщников об ущербе, причиненном Ленинграду войной и блокадой, а также сведения этой комиссии о числе погибшего в Ленинграде населения. Хотя, конечно, в этот раздел могли бы быть включены и другие важные и ранее не публиковавшиеся документы. Например, в фонде Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских преступников хранятся выделенные в отдельный том «Именные списки видных деятелей Ленинграда, погибших во время войны и блокады»²³. Эти списки интересны еще и тем, что в них попали имена только наиболее известных писателей, ученых, композиторов, художников, артистов и др. Так, Ленинградский университет представил в Городскую комиссию список, состоявший из 6 погибших во время блокады видных ученых, в то время как за войну и блокаду университет потерял более 30 профессоров и почти 70 доцентов²⁴.

Сборник документов «Ленинград в осаде» заслуженно получил высокую оценку научной общественности, и на конкурсе научных работ Росархива в области архивоведения, документоведения и археографии в 1996 г. ему было присуждено первое место. Изданный тиражом 5 тыс. экземпляров, сборник стал к настоящему времени уже библиографической редкостью и, конечно, хорошо было бы его переиздать в расширенном составе документов. Но кто же сегодня даст деньги для переиздания самой представительной публикации документов о блокаде Ленинграда?

Подтверждением тому, что фонды петербургских архивов по истории обороны и блокады Ленинграда далеко не исчерпаны, служит недавняя новая публикация документов Н. Ю. Черепениной²⁵. Среди этих документов, на мой взгляд, следует выделить справку Управления милиции г. Ленинграда и области председателю Ленгорисполкома П. С. Попкову о возврате домовых книг в домохозяйства от 9 февраля 1942 г. и справку Управления милиции

г. Ленинграда о результатах проверки домовых книг от 5 июня 1942 г.; справку о численности населения городов Ленинграда, Кронштадта и Колпино от 31 июля 1942 г., подписанную председателем Исполкома Ленгорсовета П. С. Попковым и начальником Управления НКВД по Ленинграду и области П. Н. Кубаткиным; справку Ленинградского городского отдела актов гражданского состояния о количестве смертей в Ленинграде в 1942 г. и общие итоги естественного движения населения Ленинграда за 1942 г.; обзор деятельности милиции г. Ленинграда за 1941–1943 гг.²⁶ и др.

Вследствие малого тиража остался почти незамеченным выход в 1996 г. многострадального сборника документов и писем «Университет в блокадном и осажденном Ленинграде 1941–1944»²⁷. В течение многих лет авторы этой книги, бывшие сотрудники Ленинградского университета, оставленные в осажденном городе после эвакуации университета в феврале 1942 г. для сохранения научных и культурных ценностей, боролись за ее издание, и в конце концов победили. Каждый, кто найдет эту книгу и ознакомится с нею, согласится, что она важна не только для истории Ленинградского — Санкт-Петербургского университета, но и для ответа на принципиальный вопрос о том, почему Ленинград выстоял и победил.

В 2000 г. в издательстве «Европейский дом» тиражом всего 300 экземпляров вышла уникальная книга — «В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД», подготовленная Н. А. Ломагиным. Автор и составитель этой публикации провел огромную исследовательскую работу по поиску и изучению новых источников в отечественных и зарубежных архивах, в результате которой им были введены в научный оборот документы из Национального архива США, Центра хранения историко-документальных коллекций (бывший Особый архив), архива Управления Федеральной Службы Безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В книге «В тисках голода» опубликовано около 40 наиболее важных «спецсообщений» о настроениях ленинградцев в период осени и зимы 1941–1942 гг., содержащихся в специальном томе материалов Управления НКВД «Сообщения о продовольственном положении г. Ленинграда, смертности населения и преступлениях на почве продовольственных затруднений»²⁸.

Более полный состав «спецсообщений» Управления НКВД по Ленинградской области содержится во второй книге Н. А. Ломагина «Неизвестная блокада», вышедшей в 2002 г. в издательстве «Олма-ПРЕСС» тиражом 5 тыс. экземпляров²⁹. Ценность этих специфических документов состоит, по моему мнению, прежде всего в том, что, предназначенные для «внутреннего использования», они, как правило, более объективно отражали настроения различных слоев населения блокированного Ленинграда — рабочих, инженеров, ученых, деятелей культуры и искусства, домохозяек. Разумеется, эти документы требуют критического подхода и соотнесения с другими источниками, но несомненно одно: они дают новое измерение жизни осажденного города. Вместе с тем, не следует и преувеличивать значение этого источника, и здесь я не соглашусь с мнением Н. А. Ломагина, который пишет: «Навер-

ное, ни один другой источник не может обеспечивать такой репрезентативности, как документы НКВД»³⁰.

В своих публикациях Н. А. Ломагин ввел в научный оборот и другой важный комплекс документов — материалы немецких разведывательных служб — службы безопасности СД и военной разведки³¹. Не принимать во внимание этот источник нет разумных оснований, поскольку немецкая разведка получала информацию о положении в блокированном Ленинграде на основе анализа самых различных источников — трофейных советских документов, данных радиоперехвата, допросов военнопленных и перебежчиков, а также через свою агентуру.

Как это ни покажется удивительным, но вплоть до начала XXI в. отсутствовали специальные документальные публикации о помощи страны блокированному Ленинграду, хотя отдельные документы об этом и помещались в различных сборниках, начиная еще с военного времени. Этот существенный пробел теперь восполнен изданием в 2002 г. сборника документов «Страна — Ленинграду. 1941–1945», подготовленного научными сотрудниками Санкт-Петербургского Института истории РАН совместно с работниками петербургских архивов³². Наряду с присутствием в сборнике материалов центральной, ленинградской и местной печати, в нем представлены важные новые документы из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга. Публикуемые в этом сборнике документы убедительно свидетельствуют о том, что Ленинград не был оставлен на произвол судьбы, как считают некоторые зарубежные и отечественные авторы. Эти документы показывают, что помощь и внимание всей страны к осажденному Ленинграду стали важным моральным фактором в борьбе ленинградцев за свой город.

В последние годы появился ряд публикаций документов об обороне Ленинграда в центральных журналах и издательствах. В помещенной в 2003 г. в «Историческом архиве» подборке документов, посвященной 300-летию юбилею Санкт-Петербурга, был опубликован 21 документ Государственного Комитета Обороны СССР, имеющий непосредственное отношение к обеспечению жизнедеятельности Ленинграда в 1941–1945 гг.³³ В том же году вышла книга Н. Я. Комарова и Г. А. Куманева «Блокада Ленинграда: 900 героических дней. 1941–1944», в которой был опубликован ряд новых документов о блокированном Ленинграде³⁴. В 2004 г. сотрудники Института военной истории выпустили сборник документов «Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов»³⁵. Составителям сборника, вероятно, в силу принадлежности к Министерству обороны РФ, оказались намного доступнее фонды Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба, фонды Ленинградского и Волховского фронтов, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны РФ. В результате им удалось опубликовать многие важные документы — директивы, приказы, распоряжения и указания Верховного Главнокомандующего, Государственного

Комитета Оборона, Ставки ВГК и Генерального штаба по вопросам обороны Ленинграда. Интерес специалистов к этому сборнику в значительной степени усиливался его интригующим названием. Действительно, в него включен целый ряд важных и интересных документов из рассекреченных фондов, но в нем помещены и многие документы, уже опубликованные ранее и имеющие отношение прежде всего к различным сторонам жизни блокированного Ленинграда. В этом, конечно, нет ничего предосудительного, но факт их публикации следовало оговорить в комментариях. Составители же ограничились ссылками на первоисточник, невольно создав впечатление, что все документы, содержащиеся в сборнике, публикуются впервые. Тем не менее, хочу еще раз подчеркнуть важное значение опубликованных в сборнике Института военной истории документов для изучения истории битвы за Ленинград.

Отмечая несомненные достижения в последние годы в публикации документов по истории обороны и блокады Ленинграда, вместе с тем нельзя не признать, что многие важные документы Государственного Комитета Оборона, Совнаркома СССР, ЦК КПСС, НКВД, имеющие непосредственное отношение к обороне Ленинграда, все еще остаются на секретном хранении или находятся в ведомственных архивах, доступ в которые исследователям практически закрыт. Показательно, что все еще не опубликован полный состав приказов, решений и распоряжений Военного Совета Ленинградского фронта, хранящийся в Центральном архиве Министерства обороны. До сих пор так и не издан сборник документов по обороне Ленинграда, который планировался в серии «Русский архив. Великая Отечественная».

Среди источников, которые помогают приблизиться к пониманию непостижимой, по мнению многих блокадников, психологии поведения и выживания ленинградцев в экстремальных условиях блокады, особое место занимают их дневники. Как теперь выясняется, в период первой блокадной зимы многие ленинградцы стали вести дневники, которые, к сожалению, далеко не все сохранились. В архиве О. Ф. Берггольц, например, была объемистая папка — «Выписки из дневников», — в которой находились перепечатанные на машинке выдержки из блокадных дневников самых разных людей — учителей, врачей, шоферов, партийных и советских работников³⁶. Наиболее крупная коллекция дневников блокадного времени находится в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга. Хранятся блокадные дневники в Музее обороны и блокады Ленинграда, в Российской Национальной библиотеке и даже в Архиве «Большого дома». Конечно, блокадные дневники остались и в семьях тех, кто их вел, о чем можно судить по публикациям последнего времени. Здесь приходится опять констатировать, что вплоть до середины 80-х гг. издание блокадных дневников носило строго ограниченный властями характер, так как содержащийся в них «негатив» мог, по их мнению, повредить созданную героическую картину жизни в блокированном Ленинграде. Ярким примером такого отношения стала получившая широкий общественный резонанс «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина, в первом издании которой цензура потребовала изъять десятки интервью с блокадниками и записей из дневников.

Начиная вести блокадные дневники, их авторы вольно или невольно задумывались над их предназначением — одни адресовали их истории, другие писали для себя. «Я веду как музейную работу ежедневный дневник с 22 июня. Записи делаются все подробнее и детальнее, — отмечал зимой 1941/42 гг. научный сотрудник Музея истории и развития Ленинграда А. А. Черновский. — Уцелею ли — не знаю, но дневник этот — документ для истории города ценный, он (конечно, с долей субъективности) отражает эти исключительные дни. Если я доживу, я хотел бы участвовать в его расшифровке, в написании примечаний»³⁷. Увы, А. А. Черновский умер от истощения в мае 1942 г., оставив для истории свой дневник, хранящийся теперь в архиве. Школьный инспектор Л. К. Заболотская, размышляя о назначении своих дневниковых наблюдений и переживаний, писала: «Я часто думаю о том, то ли я пишу в дневнике, что нужно. Ведь завела я его не для излияния чувств. У меня достаточно друзей, с которыми я всегда могу поделиться. Я пишу дневник потому, что я выполняю одно из заданий райкома — пишу, чтобы помочь в будущем восстанавливать историю обороны Ленинграда. Но я чувствую, что в моем дневнике больше чувств, чем фактов. А с другой стороны, думаю, что писать в дневнике надо то, что человеку хочется писать. Только тогда он может быть искренним, а это непременное условие ведения дневника. А, кроме того, мне кажется, что и чувства рядового ленинградца (а мои чувства и мысли большинства) тоже интересны для истории и что люди, которых, может быть, не всегда полно я показываю в нем, тоже интересны для истории»³⁸.

Директор Архива Академии наук СССР, профессиональный историк Г. А. Князев в своем уникальном дневнике «Дни великих испытаний», выдержки из которого были впервые опубликованы в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина, методично фиксировал все, что так или иначе было связано с бытом, поведением и настроениями жителей осажденного города, не скрывая при этом и собственных переживаний. «Я прислушиваюсь, всматриваюсь, вдумываюсь во все окружающее меня, — записал он 24 октября 1941 г. — Я улавливаю биение пульса кругом и стараюсь передать, как бьется мой пульс, как я воспринимаю, переживаю события, как они переживаются другими...»³⁹ Это стремление уловить «биение пульса кругом» помогало Г. А. Князеву переносить нараставшие с каждым днем блокады трудности, заражаться оптимизмом и надеяться на лучшее.

И все же подавляющая часть тех, кто вел дневники в осажденном Ленинграде, делала в них сокровенные записи прежде всего для себя, а не для истории. Это были и военные, и сугубо гражданские лица, партийные и советские работники, писатели и ученые, инженеры и журналисты, учителя и школьники, сотрудники музеев, архивов и библиотек, домохозяйки и пенсионеры. Без их дневников нельзя адекватно представить блокадную повседневность и понять психологию выживания в то героическое и трагическое время. В условиях, когда самым опасным союзником осадивших Ленинград немецко-фашистских захватчиков стал голод, дневник, по меткому выражению Н. Б. Роговой, «стал выполнять

функцию не только морального пристанища для обессиленного человека, загнанного в безвоздушное пространство аномального существования в мире, где смерть караулит каждого, — он становился “на караул” против самой смерти. Он был опорой на краю той “могилы, куда с ужасом заглянул каждый”⁴⁰. Шестнадцатилетняя школьница Елена Мухина, оставшись после смерти матери в феврале 1942 г. совершенно одна, могла довериться только своему дневнику, общаясь и обращаясь к нему за советом и помощью. «Милый мой бесценный друг, мой дневник. Только ты у меня и есть, мой единственный советчик. Тебе я поведаю все мои горести, заботы, печали. А от тебя прошу лишь одного: сохрани мою печальную историю на своих страницах, а потом, когда это будет нужно, расскажи обо всем моим родственникам, чтобы они все узнали, конечно, если они этого пожелают»⁴¹.

Блокадные дневники надо читать внимательно, день за днем, не упуская и не пропуская ничего, но и ничего не додумывая за автора, и только тогда возникает реальная картина жизни в осажденном городе в ее повседневных проявлениях, приходит понимание того, что пришлось вынести ленинградцам. Прошло уже более двадцати лет с того времени, как я с огромным интересом прочитал только что опубликованный тогда блокадный дневник известного ученого-востоковеда А. Н. Болдырева⁴², но и сегодня я не могу без волнения читать эту исповедь. Начав свою «Осадную запись» в декабре 1941 г., А. Н. Болдырев день за днем фиксировал не только происходившие события, но и тончайшие психологические наблюдения за переживаниями терзаемого голодом человека, обремененного постоянной заботой о своих родных и близких. Вместе с пронзительно откровенными записями об изнурительной «битве» автора за выживание и тяжких переживаниях, «падениях духа», вызванных унижительными поисками дополнительного куска хлеба и тарелки супа, дневник содержит ценные сведения о самых разных сторонах блокадной жизни. Сам А. Н. Болдырев считал, что «эти записи — самое и единственное творческое» из того, что ему приходилось делать во время блокады⁴³. Занося в свой дневник самые различные «мелочи», он надеялся, что «с кучей мусора будет зацеплено и ценное», верил, что «эта Запись есть дело большое, есть подлинный, правдивый свидетель времен неповторимых и когда-нибудь будут заслушаны ее показания»⁴⁴. Это «когда-нибудь» наступило только спустя 50 лет, и в этом нет ничего удивительного, поскольку дневники в силу многих причин и обстоятельств, а часто и по воле их авторов, становятся достоянием истории и историков по истечении длительного времени.

Конечно, далеко не все, что чувствовали, переживали и видели, и тем более думали, блокадники решались заносить в свои дневники: это было небезопасно, и потому почти автоматически срабатывала самоцензура. Некоторые события и факты приходилось даже излагать эзоповым языком. Так, свои вызовы в Большой дом, где размещалось Управление НКВД, А. Н. Болдырев зашифровал в своем дневнике как «глупейший рассказ некоего Шевчика “Две поездки в Большой Дом”», прибегнув при этом к английскому языку⁴⁵.

В том, что вести дневники даже в то трагическое время было опасно, мы теперь убеждаемся сами, знакомясь с целым рядом опубликованных в наше время блокадных дневников, авторы которых были тогда арестованы за «антисоветскую агитацию» и «контрреволюционную пропаганду», вещественным доказательством которых и стали их дневники, найденные при обыске.

Один из первых таких документов был напечатан в 1996 г. в журнале «Вопросы истории» — дневник И. И. Жилинского, начальника плано-аналитического отделения Управления дорожного строительства Октябрьской железной дороги, арестованного за «контрреволюционную пропаганду»⁴⁶. При обыске на квартире Жилинского, проживавшего в Новой Деревне, в деревянном доме по Школьной улице, был изъят и его дневник, в котором следователь обнаружил «крамольные высказывания» и приобщил его к делу. В действительности же в дневнике Жилинского отражена прежде всего его повседневная борьба за выживание, состоявшая из поисков и добывании пищи; из долгого простаивания в многочасовых очередях за хлебом и другими продуктами питания, которые полагались по карточкам, но далеко не везде оказывались в магазинах. Настроения об «осточертелой голодной жизни» выплескивались из дневников в разговоры в очередях за продовольствием, на работе, становились известными органам НКВД и служили для последних основанием для обвинения распространителей таких настроений в «контрреволюционной пропаганде» и «антисоветской агитации». Разумеется, таким образом пострадал не один И. И. Жилинский. Похожая судьба постигла и других авторов блокадных дневников. В 2004 г. в серии «Архив Большого Дома» были изданы дневники ленинградского учителя А. И. Винокурова, расстрелянного в марте 1943 г. за «контрреволюционную антисоветскую агитацию» и за «пораженческие взгляды в войне СССР с Германией»⁴⁷, и старшего бухгалтера Ленинградского Института легкой промышленности Н. П. Горшкова, приговоренного к 10 годам лишения свободы за «антисоветскую агитацию среди своих знакомых»⁴⁸. Сам же Горшков настаивал, что изъятый у него во время обыска дневник служит доказательством того, что он «никогда не был антисоветски настроенным человеком»⁴⁹. Читая сегодня дневник Н. П. Горшкова, убеждаешься в глубокой правоте его автора, утверждавшего, что его наблюдения и переживания он записывал для себя. Но теперь оказалось, что и для истории: не пропустив в своем дневнике ни одного дня блокады (!), отмечая в нем не только «негатив» зимы 1941/42 гг., но и все изменения к лучшему, Горшков показал, как приходила постепенно надежда на избавление от вражеской блокады, как нарастали эти ожидания, как улучшался быт, и с ним — настроения ленинградцев. Каждый день Горшков педантично описывал состояние погоды, фиксировал продолжительность обстрелов и бомбежек, и этими ценными сведениями я с благодарностью к автору дневника воспользовался в документальной части моей книги.

Среди блокадных дневников выделяются своим публицистическим характером дневники ленинградских писателей, которые с самого начала обращались в них к читателю⁵⁰.

В. В. Вишневский в «Дневнике военных лет» писал о необходимости «сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю точку зрения участников. Ведь через год, через десять лет — с дистанции времени будет виднее. Возможно, будет иная точка зрения. Оставим же внукам и правнукам свой рассказ»⁵¹. И многие ленинградские писатели оставили для истории свои рассказы о блокадной жизни: В. М. Инбер — «Почти три года. Ленинградский дневник»; П. Н. Лукницкий — «Ленинград действует...»; В. М. Саянов — «Ленинградский дневник»; П. И. Капица — «Блокадные дневники, прочитанные сегодня» и др. Наконец, совсем недавно, в 2010 г., был опубликован «Запретный дневник» О. Ф. Берггольц, которая, по выражению Д. А. Гранина, «стала символом, воплощением героизма блокадной трагедии». Читая «Запретный дневник», особенно понимаешь, что это чистая правда, а не красивая метафора. Такая же правда и в самом дневнике О. Ф. Берггольц, которая не посвящала в него даже самых близких ей людей. «Как хорошо, что я — не орденоседец, не лауреат, а сама по себе, — записала она 12 апреля 1942 г. — Я имею возможность не лгать, или, вернее, лгать лишь в той мере, в какой мне навязывают это редакторы и цензура, а я и на эту ложь, собственно говоря, не иду»⁵².

Большую работу по выявлению, изучению и публикации блокадных дневников ведут в последние годы научные сотрудники Санкт-Петербургского Института истории РАН. В рамках проекта «Ленинградская блокада без купюр и ретуши» был издан целый ряд сборников — «Человек в блокаде. Новые свидетельства»⁵³, «Доживем ли мы до тишины? Записки из блокадного Ленинграда»⁵⁴, «Я не сдамся до последнего...»⁵⁵ Опубликованные в них действительно новые и содержательные дневники хранились не только в фонде воспоминаний и дневников Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, но и в семейных архивах (дневник театрального художника А. А. Грязнова, учительницы Т. К. Великотной, актера Ф. А. Грязнова). Все они содержат многие важные факты о блокадной жизни ленинградцев, их поведении и психологии в экстремальных условиях.

Ценные публикации источников вышли в «Трудах Государственного Музея истории Санкт-Петербурга». Среди них следует особо выделить «Дневник блокадного времени» инженера-кораблестроителя В. Ф. Чекризова, работавшего на заводе «Судомех»⁵⁶. Если иметь в виду, что значительная часть архива «Судомеха» была уничтожена в период блокады в результате пожара, то дневник В. Ф. Чекризова является уникальным источником о самоотверженном труде коллектива завода в годы войны и блокады. Но, конечно, его дневниковые записи не ограничиваются рамками заводской жизни, в них много важных и правдивых наблюдений и размышлений о том, что происходило в осажденном Ленинграде и за его пределами. Однако, если судить по признанию самого автора дневника, далеко не все он решался доверить своему дневнику. «Интересно читать через 24 года записи своего тогдашнего дневника, — признавал В. Ф. Чекризов в марте 1968 г. — Какие годы прожили? Жаль, что не писал подробно и не все так, как нужно было бы (были причины)»⁵⁷.

Таким образом, можно говорить о том, что в последние 15 лет произошел прорыв в публикации блокадных дневников, в результате которого исследователи получили новый корпус ценных источников⁵⁸. Задача теперь состоит в том, чтобы содержащийся в них богатейший материал органически ввести в картину блокадной жизни Ленинграда⁵⁹, выявить и учесть все факторы, влиявшие на исход борьбы ленинградцев за выживание в экстремальных условиях блокады, на их поведение и психологию. Начало этой важной работе было положено на состоявшейся в мае 2008 г. в Санкт-Петербургском университете научной конференции «Жизнь и быт заблокированного Ленинграда». В вышедшем в 2010 г. на основе материалов этой конференции сборнике содержится целый ряд статей (Л. Л. Газиевой, Н. Б. Лебедевой, В. Л. Пянкевича, А. Пери, Н. Б. Роговой, С. В. Ярова и др.), посвященных анализу блокадных дневников⁶⁰. В 2010 г. в Санкт-Петербурге прошел международный научный colloquium «Человек и личность как предмет исторического исследования. Россия (конец XIX–XX вв.)», организованный Санкт-Петербургским Институтом истории РАН и Европейским университетом в Санкт-Петербурге. В опубликованных материалах этого colloquium привлекают внимание статьи Алексиса Пери «Личность в осаде: образы себя как предмет творчества и самоанализа блокадного человека»⁶¹ и Полины Барсковой «"Автопортрет перед смертью": блокадная личность и механизмы репрезентативной компенсации»⁶². Отмечая оригинальный характер этих статей, вместе с тем не могу полностью согласиться с трактовкой в них ряда блокадных дневников. К сожалению, авторы этих статей часто подменяют конкретно-исторический анализ источника абстрактно-гуманистическими рассуждениями, в которых дневники блокадников служат иллюстративным материалом. Мне также представляется, что судить о поведении, психологии и этике населения заблокированного Ленинграда на основании только дневников вряд ли корректно хотя бы потому, что дневники вели в первую очередь и в основном представители интеллигенции, чье восприятие и оценки блокадной действительности отличались от восприятия других социальных групп блокадников. Нравственным критерием поведения ленинградцев служит в первую очередь их самоотверженная борьба за своих родных и близких, их вклад в дело обороны Ленинграда.

Важным источником для изучения блокадной повседневности являются воспоминания. Их ценность зависит в первую очередь от того, когда, кем и с какой целью они написаны. Значительный пласт блокадных воспоминаний, застенографированных в 1943–1947 гг. сотрудниками Ленинградского института истории партии, находится в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга⁶³. Но из более чем 600 хранящихся там воспоминаний лишь небольшая часть была опубликована в 1968 г. в сборнике воспоминаний «Оборона Ленинграда», подготовленном сотрудниками Ленинградского отделения Института истории⁶⁴. К этому времени были уже изданы и другие воспоминания⁶⁵. Разумеется, многие из них прошли не только цензуру, но и самоцензуру. Вот показательный пример: работавший в Ленинградском университете

известный математик Н. П. Еругин, впоследствии действительный член АН БССР, в своих воспоминаниях пишет, что перед тем как уйти в народное ополчение, он «торопливо передал свои неоконченные рукописи моему учителю члену-корреспонденту Академии наук СССР»⁶⁶. Однако фамилии своего учителя он не называет по той причине, что член-корреспондент АН СССР Н. С. Кошляков был репрессирован в январе 1942 г. по сфальсифицированному делу так называемого «Союза старой русской интеллигенции», и его реабилитация состоялась в более позднее время.

Написанные в конце войны и первые послевоенные годы воспоминания блокадников еще больше, чем дневники, были адресованы истории и будущим поколениям. «Возможно, эти мои очерки должны будут явиться обличительным документом, предъявленным гитлеровской Германии наряду с другими документами о причиненном ущербе нашей стране, обличительным документом тех травм, психических переживаний и физических мучений, которые перенесли дети Ленинграда, пробыв 900 дней в трудных условиях блокады, — писала инспектор дошкольного сектора в Куйбышевском районе Е. Л. Щукина. — Но главное — пусть эти страницы станут свидетельством стойкости ленинградцев, взрослых и самых маленьких, их мужества и взаимопомощи. Пусть не иссякнет у будущих поколений чувство благодарности ленинградцам за то, что отстояли город и сохранили чистоту чувств и взаимоотношений. Пусть помогут понять нас, людей блокадного Ленинграда, и пусть живущие после нас сохранят любовь к Великому городу»⁶⁷.

С выходом «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина как никогда ранее открылось, что и спустя многие годы пережившие блокаду ленинградцы связаны с родным городом не только «одной неповторимой судьбой», но и памятью, сохранившей «все до боли и до слова». «Да, не забыто — разве может человек такое забыть, даже если бы и хотел, имел право?! — писали авторы этой книги. — Да, все это помнят еще живущие блокадники. Они блокаду выдержали, они переносили ее изо дня в день, сохраняя человеческое достоинство. Но мы, мы, не пережившие этого, или сегодняшние молодые, — имеем ли мы право не стараться узнать обо всем, что вынесли, пережили, перестрадали, сделали и ради нас они, ленинградцы?!»⁶⁸ В справедливости этого суждения еще раз убеждаешься, когда читаешь блокадные воспоминания, вышедшие в последние годы⁶⁹.

Отмечая серьезные успехи в публикации новых источников по истории блокады Ленинграда, вместе с тем нельзя сказать, что здесь использованы все возможности. В частности, исследователями почти не освоены фотодокументы, хотя составители появившихся в последние годы фотоальбомов расширили круг опубликованных блокадных фотоматериалов⁷⁰. Как известно, в условиях военного времени разрешение на фотосъемки имели в первую очередь фотокорреспонденты Ленинградского отделения Телеграфного агентства Советского Союза и периодических изданий. Но далеко не все сделанные ими снимки получали разрешение цензуры на печать. Из 30 тыс. снимков блокадного времени разрешение

на печать получили только 7132⁷¹. В Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов в настоящее время хранится около 9 тыс. фотодокументов, которые в основном поступили из Ленинградского отделения Телеграфного агентства Советского Союза, причем не только негативы, но и сопроводительные текстовые карточки с сохранившимися пометами цензоров⁷². В 60-е гг., в процессе подготовки фотоматериалов для 5 тома «Очерков истории Ленинграда» мне довелось увидеть многие из этих фотоматериалов в числе первых и, естественно, опубликовать некоторые из них в нашей книге. И тоже, разумеется, с разрешения цензуры.

Публикация новых документальных источников создала предпосылки к тому, чтобы перейти к изучению блокады Ленинграда на качественно ином уровне, исследовать блокадную жизнь во всех ее проявлениях, объективно показать характер и мотивы поведения различных социальных групп населения, выявить основные факторы выживания в экстремальных условиях блокады. Американский социолог Джеффри Хасс предлагает интерпретировать этот сложный процесс с помощью таких категорий, как парадигма героизма, парадигма оппортунизма и парадигма нерешительности⁷³. «Парадигма героизма предполагает индивидуальное принятие решений на основе коллективных норм, — пишет он. — Парадигма оппортунизма предполагает индивидуальное принятие решений на основе рационального эгоизма и материальной выгоды (или потери). Парадигма нерешительности отводит индивидуальному выбору наименьшую роль; люди практически не решают ничего самостоятельно и их вклад в развитие истории невелик»⁷⁴. При всей оригинальности и привлекательности этого предложения американского социолога применить его в качестве основного инструмента исследования такого уникального явления, как блокада Ленинграда, это оказывается крайне затруднительным. Да и сам Джеффри Хасс признает, что предлагаемые им парадигмы представляют «только идеальные случаи, реальность же более сложна»⁷⁵. Вместе с тем его выводы, сделанные в результате изучения блокадных дневников и в первую очередь дневника Ольги Эпштейн, имеют, по моему мнению, методологическое значение, корректируют в ряде случаев суждения российских исследователей. «Во-первых, — считает Джеффри Хасс, — самостоятельность выбора является переменной, которая не является целиком зависимой от ситуации. Утверждение С. В. Ярова о том, что серьезные лишения порождали нерешительность⁷⁶, очевидно, находит подтверждение в истории блокады. Страдание и различные испытания могут побудить людей выйти из нерешительности — не только физический инстинкт выживания, но также чувство справедливости или вины может вернуть способность действовать самостоятельно. Нерешительность не является состоянием природы; она возникает в результате сильных перекосов во внешнем мире человека, будь это материальные лишения или нечестное поведение властей»⁷⁷. В справедливости этого суждения мы убедимся, анализируя поведение ленинградцев на основании других источников блокадного времени.

Другой вывод американского социолога, который заслуживает внимания, состоит в том, что «парадигмы героизма и оппортунизма вряд ли возможно четко разграничить — для блокады, войны в целом, советской системы и того, как люди проживают “историю”». В связи с этим он предлагает использовать для объяснения не одну парадигму, а последовательность нескольких парадигм⁷⁸. Генеральный же вывод Джеффри Хасс формулирует так: «Существующие парадигмы поведения во время блокады проливают свет на то, как люди реагируют на те или иные события — как они их интерпретируют и формируют соответствующую реакцию. На грани пропасти люди осознают, кем они являются на самом деле. Именно поэтому сложная история жизни во время блокады может рассказать нам немало о войне, выживании, советской системе и природе человеческого поведения и человеческой истории»⁷⁹.

Не отрицая в принципе роль предложенных американским социологом моделей поведения в систематизации и осмыслении блокадного материала, вряд ли можно согласиться с тезисом о том, что «существующие парадигмы поведения во время блокады проливают свет на то, как люди реагируют на те или иные события». Здесь как раз обратная зависимость: именно поступки ленинградцев подтверждают или опровергают проявление и доминирование той или иной парадигмы их поведения. Задача исследователя, как мне думается, состоит в том, чтобы, изучая известные на сегодня источники, выявить в них основные факторы (как позитивные, так и негативные) выживания в условиях блокады, факторы, определявшие исход противоборства жизни и смерти в заблокированном Ленинграде. Эта многоаспектная проблема только поставлена в современной отечественной литературе⁸⁰, и она, по моему глубокому убеждению, нуждается в дальнейшем глубоком и, главное, систематическом исследовании.

Главным негативным фактором стала сама небывало длительная осада Ленинграда с вытекавшими из нее многочисленными тяжкими последствиями — непосредственной близостью немецко-фашистских войск и изоляцией от Большой земли; постоянными артиллерийскими обстрелами и воздушными налетами противника; разрушением городского хозяйства и транспорта; нервно-психическими переживаниями и заболеваниями, вызванными условиями жизни в городе-фронте; наконец, страшным голодом зимы 1941–1942 гг., в результате которого погибли сотни тысяч мирного населения города. Но блокадная правда была в том, что ленинградцы не только голодали, не только умирали, не только преодолевали страдания, но и еще действовали. К такому выводу пришли авторы «Блокадной книги» А. Адамович и Д. Гранин в результате своих многочисленных встреч с блокадниками: «Они работали, они помогали воевать, они спасали, обслуживали других, кто-то снабжал ленинградцев топливом, кто-то собирал детей, организовывал больницы, стационары, обеспечивал работу заводов, фабрик. В сущности, это было в каждом рассказе — голод, холод, обстрелы, лишения, смерти и, следовательно, душевные проблемы, порождаемые страданиями, и тут же активность людей, то,

что они делали, как боролись, несмотря ни на что. Три эти стороны жизни появлялись в любом рассказе»⁸¹. Я могу только подтвердить, что «три эти стороны жизни» проявляются в той или иной форме в каждом блокадном источнике индивидуального происхождения — дневниках, письмах, воспоминаниях. Директор Травматологического института Ф. И. Машанский, находившийся зимой 1941–1942 гг. в состоянии сильного истощения и вырвавшийся из объятий голодной смерти благодаря неистребимой жажде жизни и оказанной помощи, емко выразил кредо защитников осажденного города: «Выжить, чтобы работать — это было непременно правилом в блокадном Ленинграде»⁸². Востоковед В. С. Гарбузова свидетельствовала, что зимой 1941–1942 гг. «у погибающего от голода и холода населения была одна проблема: выжить и сохранить жизнь своим близким и родным»⁸³.

Размышляя о главных факторах массовой смертности в осажденном Ленинграде — «лютом голоде, жестоком промозглом холоде и тяжелом психологическом гнете военной опасности», блокадница С. В. Магаева отмечает, что «любой из этих факторов мог погубить, но эти факторы действовали одновременно, взаимно усиливали друг друга, усугубляя нарушение жизнедеятельности организма»⁸⁴. Это, конечно, была безжалостная реальность блокадной жизни и смерти, но в этом противоборстве далеко не последнюю роль играла жизнестойкость ленинградцев, источником которой были трудовой коллектив и семья, формировавшие коллективистскую психологию и товарищескую взаимопомощь, способность к самопожертвованию ради общей цели — защитить свою страну и родной Ленинград от немецко-фашистских захватчиков. Выжить в блокаде можно было только держась друг за друга, только помогая друг другу. «Понимаете, никогда я не видела и даже не слышала, чтобы люди так держались друг за дружку, как в то время! — вспоминала работница артиллерийского полигона М. Е. Сяпина. — Мы все были как одна семья: и двенадцатилетние-четырнадцатилетние, и пожилые работницы...»⁸⁵ В дневниках и воспоминаниях можно встретить немало таких признаний: «единственное, что держит на ногах, — это сила коллектива»⁸⁶. Коллективистская психология срабатывала даже и тогда, когда, казалось бы, голод должен был ее отключить. Блокадники вспоминали многочисленные случаи, когда голодные люди не поддавались призывам громить и грабить булочные и даже пресекали такие попытки. Только коллективистская психология могла родить такую форму помощи, как бытовые отряды, созданные в феврале 1942 г. по инициативе девушек-комсомолок в Приморском районе Ленинграда.

Опорой в борьбе за выживание была первичная ячейка коллектива — семья, в которой ленинградцы находили утешение, тепло и любовь, помогая своим самым близким людям переносить выпавшие на их долю лишения и страдания. «В этом голодном, отчаянном мраке, — написал 23 января 1942 г. в своем дневнике известный востоковед А. Н. Болдырев, — дом, уют, тепло душевное, прежде всего, суть единственный свет, ничтожный в огромном мраке, как коптилочка, при которой пишу сейчас, но единственный, дающий волю к жизни, к великому — “Выжить”!»⁸⁷ О душевном тепле и уюте пишет с огромной любовью к своей супруге директор

Архива АН СССР Г. А. Князев: «Какое счастье, что есть около любимый, ласковый, самоотверженный человек, есть еще остатки домашнего уюта, обломки комфорта»⁸⁸.

Однако не каждый блокадник мог опереться на семью, и в этом случае проблема выживания зависела от многих других факторов. Главный инженер завода «Судомех», семья которого была эвакуирована, отвечая для себя на вопрос, что его спасло, в марте 1942 г. записал в своем дневнике: «1) Сахар, запасенный Диной. Ей должен быть благодарен всю жизнь. 2) Заводская комната. В своей бы без дров я пропал бы. 3) Бурки. Они спасли от холода мои ноги. 4) Дополнительное питание дало возможность оправиться от перенесенного истощения. Без него болезненное состояние истощения организма долго не прошло бы»⁸⁹. В числе спасительных факторов автор дневника справедливо ставит на первое место припасенный женой еще до войны сахар. Такие запасы, как видно из других дневников и воспоминаний, спасли жизнь многим ленинградцам. Еще больше блокадников таких запасов не имели, и они предпринимали отчаянные усилия по изысканию дополнительных продуктов питания по месту своей работы, на черном рынке, в обмене у населения пригородных районов и др.

Блокадные документы и материалы, сохраняя в себе огромную информацию о способах выживания в блокаде, предоставляют еще и «возможность увидеть процесс выживания иначе — как обострение духовных, нравственных сил», «как торжество чувства долга»⁹⁰. Но для того чтобы это увидеть, от историка требуется не только предельная честность, но и глубокое уважение к живым и павшим в борьбе с голодной смертью. Известный историк Н. Д. Козлов справедливо полагает, что «высокий моральный дух населения стал тем оружием, которое помогло ему стойко переносить величайшие трудности и лишения блокады, трудиться и победить»⁹¹. Располагая теперь обширным комплексом документов, исследователи могут и должны в полной мере раскрыть роль морального фактора в борьбе защитников Ленинграда, роль, которую так емко выразила О. Ф. Берггольц: «Мы победили их, победили морально — мы, осажденные ими!»

¹ Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1944. Вып. 1–3. Л., 1942–1945.

² Ленинград в Великой Отечественной войне: Сб. документов и материалов. Т. 1. Л., 1944. С. 119.

³ Ленинград в Великой Отечественной войне. Т. 2. Л., 1947.

⁴ Ленинград — дважды орденоносный. Л., 1945.

⁵ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959. С. 7.

⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 8557. Оп. 7. Д. 40. Л. 35, 39.

⁷ Ленинград в Великой Отечественной войне. Каталог изданий, хранящихся в фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 1. Л., 1971. С. IV; *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Л., 1966. С. 139.

⁸ Выставка «Героическая оборона Ленинграда». Очерк-путеводитель. М.; Л., 1945. С. 4–5.

⁹ Музей обороны Ленинграда. Очерк-путеводитель. М.; Л., 1948. — См. также: *Шишкин А. А., Добротворский Н. П.* Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. Краткий исторический очерк. СПб., 2006.

¹⁰ На это обратил внимание в своей книге американский журналист Гаррисон Солсбери, посетивший Ленинград в 1944 г. (*Солсбери Г.* 900 дней. Блокада Ленинграда / Пер. с англ. М., 1993. С. 593–594).

¹¹ 900 героических дней: Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / Ред. коллегия: Х. Х. Камалов, В. М. Ковальчук (отв. ред.), Ю. С. Токарев. Сост. Х. Х. Камалов, Р. В. Серднук, Ю. С. Токарев. М.; Л., 1966.

¹² Там же. С. 54–55.

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 357.

¹⁵ Там же. С. 362.

¹⁶ Там же. С. 397–398.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 7. Д. 39. Л. 2.

¹⁸ 900 героических дней. С. 399.

¹⁹ Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / Ред. коллегия: Н. И. Барышников, И. П. Бабурин, Т. А. Зернова, В. М. Ковальчук, Ю. И. Колосов, Т. С. Конохова, Н. В. Пономарев, Г. Л. Соболев. Отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995.

²⁰ Там же. С. 4–5.

²¹ Там же. С. 25.

²² См. например: *Ковальчук В. М., Соболев Г. Л.* «Ленинградский реквием» (о жертвах населения Ленинграда в годы блокады) // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 193–194.

²³ ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1066.

²⁴ *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 2010. Вып. 2. С. 14–23.

²⁵ Новые архивные документы (вступ. ст., сост. и комм. Н. Ю. Черепениной) // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. СПб., 2005. С. 11–13.

²⁶ Там же. С. 25–26, 31–32, 34–35, 41–49.

²⁷ Университет в блокадном и осажденном Ленинграде 1941–1944: Сборник документов и писем / Под ред. М. А. Шишкина. СПб., 1996.

²⁸ В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000. С. 1–42.

²⁹ *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада (документы, приложения). Кн. 2. М., 2002.

³⁰ *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада (документы, приложения). Кн. 1. М., 2002. С. 64.

³¹ В тисках голода. С. 37–141.

³² Страна — Ленинграду. 1941–1945: Сборник документов / Ред. коллегия: В. М. Ковальчук (отв. ред.), И. П. Бабурин, Т. А. Зернова, В. Н. Плешков, Д. И. Петрикеев. Сост. Л. И. Ильина, В. М. Ковальчук, А. П. Купайгородская, Р. В. Серднук. СПб.; Кишинев, 2002.

³³ «Государственный Комитет Оборона постановляет...»: Директивные документы ГКО СССР по обеспечению жизнедеятельности Ленинграда 1941–1945 гг. // Исторический архив. 2003. № 2.

³⁴ *Комаров Н. Я., Куманев Г. А.* Блокада Ленинграда: 900 героических дней. 1941–1944. Исторический дневник. Комментарии. М., 2004.

³⁵ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н. Л. Волковского. М., 2004.

- ³⁶ См. об этом: *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. Л., 1984. С. 332.
- ³⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 18. Л. 68.
- ³⁸ Человек в блокаде. Новые свидетельства / Отв. ред. В. М. Ковальчук. Сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2008. С. 140.
- ³⁹ *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления на моем малом радиусе. СПб., 2009. С. 256.
- ⁴⁰ *Рогова Н. Б.* Боль, мужество и долг. Они спасали книги // Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сборник научных статей. СПб., 2010. С. 252.
- ⁴¹ «...Сохрани мою печальную историю...»: Блокадный дневник Лены Мухиной / Отв. ред. В. М. Ковальчук. Сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. Вступ. ст. С. В. Ярова. СПб., 2011. С. 259.
- ⁴² *Болдырев А. Н.* Осадная записка: Блокадный дневник / Подг. к печати В. С. Гарбузова, И. М. Стеблин-Каменский. СПб., 1998.
- ⁴³ Там же. С. 343.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 39.
- ⁴⁶ *Жилинский И. И.* Блокадный дневник // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 7–8.
- ⁴⁷ Архив Большого Дома: Блокадные дневники и документы / Сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. СПб., 2004. С. 236–237.
- ⁴⁸ Там же. С. 14.
- ⁴⁹ Там же. С. 15.
- ⁵⁰ См. об этом: *Шубин Э. А.* Блокадные дневники писателей // Литературный Ленинград в дни блокады. Л., 1973. С. 251–274.
- ⁵¹ *Вишневский В.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М., 1956. С. 297–298.
- ⁵² Ольга. Запретный дневник. Дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб., 2010. С. 93.
- ⁵³ Человек в блокаде. Новые свидетельства / Отв. ред. В. М. Ковальчук. Сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2008.
- ⁵⁴ Доживем ли мы до тишины? Записки из блокадного Ленинграда / Отв. ред. В. М. Ковальчук. Сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2009.
- ⁵⁵ «Я не сдамся до последнего...» / Отв. ред. В. М. Ковальчук. Сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2010.
- ⁵⁶ *Чекризов В. Ф.* Дневник блокадного времени // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 8. СПб., 2004. С. 150–151.
- ⁵⁷ Там же. С. 151.
- ⁵⁸ Наиболее полный обзор опубликованных дневников блокадников, по моему мнению, содержится в книге С. В. Ярова (*Яров С. В.* Блокадная этика. СПб., 2011. С. 525–556).
- ⁵⁹ Примером такого органического введения может служить статья: *Пянкевич В. Л.* Семья в осаде (Ленинград 1941–1944 гг.) // Битва за Ленинград: Проблемы современных исследований: Сборник статей. СПб., 2007. С. 190–198.
- ⁶⁰ Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сборник научных статей / Ред. коллегия: Б. П. Белозеров (отв. ред.), Т. А. Пострелова, Н. Б. Рогова, М. В. Ходяков. СПб., 2010.
- ⁶¹ Человек и личность как предмет исторического исследования. Россия (конец XIX–XX вв.). Международный colloquium. Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г. Научные доклады. СПб., 2010. С. 275–294.
- ⁶² Там же. С. 295–304.

- ⁶³ См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10.
- ⁶⁴ Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников / Ред. коллегия: В. М. Ковальчук, В. В. Петраш, А. М. Самсонов (отв. ред.). Л., 1968.
- ⁶⁵ *Щеглов Д.* В ополчении. М., 1960; *Еругин Н. П.* О тех, кто выстоял. Минск, 1961; *Бычевский Б. В.* Город-фронт. М., 1963; *Жданов Н. Н.* Огневой щит Ленинграда. М., 1965; Подвиг Ленинграда. М., 1960; Своим оружием. М., 1961; Девятьсот дней. Л., 1962; Ради твоей жизни. Л., 1962; В огненном кольце. Л., 1963; и др.
- ⁶⁶ *Еругин Н. П.* О тех, кто выстоял. С. 8.
- ⁶⁷ *Щукина Е. Л.* Очерки блокадных дней. СПб., 2010. С. 11–12.
- ⁶⁸ *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. Л., 1984. С. 15.
- ⁶⁹ Дети и блокада: Воспоминания, фрагменты дневников. СПб., 2009; Медики и блокада: Взгляд сквозь годы. СПб., 2007; «Мы знаем, что значит война». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет. СПб., 2010; *Альшиц Д. Н.* За нами был наш гордый город. СПб., 2010; и др.
- ⁷⁰ Ленинград, блокада, подвиг. Фотоальбом. Л., 1984; *Никитин В. А.* Неизвестная блокада. Ленинград 1941–1944. Фотоальбом. СПб., 2002; *Ковальчук В. М., Чистиков А. Н.* Ленинград в годы Великой Отечественной войны. Очерки. Документы. Фотографии. СПб., 2005; *Большакова О. В., Борзенко С. Б., Кожемякин А. О.* Пискаревское мемориальное кладбище: Трагедия Ленинграда. СПб., 2010; и др.
- ⁷¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 466а. Л. 5.
- ⁷² *Дзюба Е. В.* Голод и заболеваемость в фотодокументах ЦКАКФФД СПб // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 132–133.
- ⁷³ *Хасс Дж.* Выживание в годы войны и «история». Проблема самостоятельности выбора и различные модели человеческого поведения во время ленинградской блокады // Россия. Век двадцатый: Сборник статей к 95-летию доктора исторических наук В. М. Ковальчука. СПб., 2011. С. 107.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же
- ⁷⁶ Речь идет о статье: *Яров С. В.* Ленинградцы в смутное время: предпосылки изменения нравственных ценностей // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Сер. История. 2008. № 4. С. 23–46.
- ⁷⁷ *Хасс Дж.* Выживание в годы войны и «история». С. 120–121.
- ⁷⁸ Там же. С. 121.
- ⁷⁹ Там же. С. 122.
- ⁸⁰ См.: *Дзенискевич А. Р.* На грани жизни и смерти. Работа медиков-исследователей в осажденном Ленинграде. СПб., 2002. С. 90–108; *Ломажин Н. А.* Ленинград в блокаде. СПб., 2005. С. 50–53.
- ⁸¹ *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. С. 21.
- ⁸² *Машанский Ф. И.* Суровый экзамен // Листки блокадного календаря. Вып. 1. Л., 1988. С. 12.
- ⁸³ См.: *Болдырев А. Н.* Осадная запись: Блокадный дневник. С. 21.
- ⁸⁴ *Магаева С. В.* Физиологические и психологические предпосылки выживания блокадников // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 28.
- ⁸⁵ *Демидов В. И.* Снаряды для фронта. Л., 1985. С. 146–147.
- ⁸⁶ Человек в блокаде. Новые свидетельства / Отв. ред. В. М. Ковальчук. СПб., 2008. С. 172.
- ⁸⁷ *Болдырев А. Н.* Осадная запись: Блокадный дневник. С. 45.
- ⁸⁸ *Князев Г. А.* Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления на моем малом радиусе. С. 335.
- ⁸⁹ *Чекризов В. Ф.* Дневник блокадного времени С. 62–63.
- ⁹⁰ См.: *Рогова Н. Б.* Вкус 125 г хлеба (они учили и учились в блокадном Ленинграде) // Женщины Ленинграда в годы блокады. СПб., 2005. С. 105–108.

⁹¹ Козлов Н. Д. Роль духовных сил населения в период блокады // Женщины Ленинграда в годы блокады. СПб., 2005. С. 51.

Sobolev G. L. Leningrad Siege: from the new sources to the new comprehension.

ABSTRACT: Author analyzes the difficult process of source publication on history of the Leningrad defense and the Leningrad siege during the whole period of problems' study. Special attention is drawn to the recently published documents.

KEYWORDS: sources, Leningrad, siege, party and Soviet bodies, ration cards, starvation, mortality.

AUTHOR: Citizen of Sieged Leningrad, Ph. D. in History, Professor, Honored High School Educationalist of Russian Federation, Honored Science Worker of Russian Federation, Honorary Professor of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg); gsobolev@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Sbornik ukazov, postanovlenij, reshenij, rasporyazhenij i prikazov voennogo vremeni. 1941–1944. Vy'p. 1–3. Leningrad, 1942–1945.
- ² Leningrad v Velikoj Otechestvennoj vojne: Sb. dokumentov i materialov. T. 1. Leningrad, 1944.
- ³ Leningrad v Velikoj Otechestvennoj vojne. T. 2. Leningrad, 1947.
- ⁴ Leningrad — dvazhdy' ordenonosny'j. Leningrad, 1945.
- ⁵ Karasev A.V. Leningradcy' v gody' blokady'. 1941–1943. Moscow, 1959.
- ⁶ Saint-Petersburg State Archive,
- ⁷ Leningrad v Velikoj Otechestvennoj vojne. Katalog izdaniy, xran'yashixsya v fondax Gosudarstvennoj Publichnoj biblioteki im. M. E. Salty'kova-Shhedrina. Vy'p. 1. Leningrad, 1971.
- ⁸ Sobolev G. L. Ucheny'e Leningrada v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny'. Leningrad, 1966.
- ⁹ Vy'stavka «Geroicheskaya oborona Leningrada». Ocherk-putevoditel'. Moscow- Leningrad, 1945.
- ¹⁰ Muzej oborony' Leningrada. Ocherk-putevoditel'. Moscow- Leningrad, 1948.
- ¹¹ Shishkin A. A., Dobrotvorskij N. P. Gosudarstvenny'j memorial`ny'j muzej oborony' i blokady' Leningrada. Kratkij istoricheskij ocherk. St.Petersburg, 2006.
- ¹² Salisbury H. 900 dnei. Blokada Leningrada / Per. s angl. Moscow, 1993.
- ¹³ 900 geroicheskix dnei: Sb. dokumentov i materialov o geroicheskoi bor`be trudyashixsya Leningrada v 1941–1944 gg. / Otv. red. V. M. Koval`chuk. Moscow-Leningrad, 1966.
- ¹⁴ Leningrad v osade: Sbornik dokumentov o geroicheskoi oborone Leningrada v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' 1941–1945 / Otv. red. A. R. Dzeniskevich. St.Petersburg, 1995.
- ¹⁵ Kovalchuk V. M., Sobolev G. L. «Leningradskij rekviev» (o zhertvax naseleniya Leningrada v gody' blokady') // Voprosy' istorii. 1965. N 12.
- ¹⁶ Sobolev G. L., Khodyakov M. V. Poteri Leningradskogo universiteta v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. 2010. Vy'p. 2.
- ¹⁷ Novy'e arxivny'e dokumenty' (vstup. st., sost. i komm. N. Yu. Cherepeninoy) // O blokade Leningrada v Rossii i za rubezhom. St.Petersburg, 2005.
- ¹⁸ Universitet v blokadnom i osazhdennom Leningrade 1941–1944: Sbornik dokumentov i pisem / Pod red. M. A. Shishkina. St.Petersburg, 1996.
- ¹⁹ V tiskax goloda. Blokada Leningrada v dokumentax germanskix spetsluzhb i NKVD. St.Petersburg, 2000.
- ²⁰ Lomagin N. A. Neizvestnaya blokada (dokumenty', prilozheniya). Kn. 2. Moscow, 2002.
- ²¹ Lomagin N. A. Neizvestnaya blokada (dokumenty', prilozheniya). Kn. 1. Moscow, 2002.

- ²² Страна — Ленинграду. 1941–1945: Sbornik dokumentov / Otv. Red V. M. Koval`chuk St.Petersburg-Kishinev, 2002.
- ²³ «Gosudarstvennyj Komitet Oborony` postanovlyaet...»: Direktivny'e dokumenty' GKO SSSR po obespecheniyu zhiznedeyatel`nosti Leningrada 1941–1945 gg. // Istoricheskij arxiv. 2003. N 2.
- ²⁴ Komarov N. Ya., Kumanev G. A. Blokada Leningrada: 900 geroicheskix dnei. 1941–1944. Istoricheskij dnevnik. Kommentarii. Moscow, 2004.
- ²⁵ Blokada Leningrada v dokumentax rasskrechenny'x arxivov / Pod red. N. L. Volkovskogo. Moscow, 2004.
- ²⁶ Adamovich A., Granin D. Blokadnaya kniga. Leningrad, 1984.
- ²⁷ Saint-Petersburg Central State Archive of historical and political documents,
- ²⁸ Chelovek v blokade. Novy'e svidetel`stva / Otv. red. V. M. Koval`chuk. Sost. V. M. Koval`chuk, A. I. Rupasov, A. N. Chistikov. St.Petersburg, 2008.
- ²⁹ Knyazev G. A. Dni velikix ispy'tanij. Vojna s Germaniej. Vpechatleniya na moem malom radiuse. St.Petersburg, 2009.
- ³⁰ Rogova N. B. Bol`, muzhestvo i dolg. Oni spasali knigi // Zhizn` i by't blokirovannogo Leningrada: Sbornik nauchny'x statej. St.Petersburg, 2010.
- ³¹ «...Soxрани moyu pechal`nyu istoriyu...»: Blokadnyj dnevnik Leny' Muxinoj / Otv. red. V. M. Koval`chuk. Sost. V. M. Koval`chuk, A. I. Rupasov, A. N. Chistikov. Vstup. st. S. V. Yarova. St.Petersburg, 2011.
- ³² Boldyrev A. N. Osadnaya zapis': Blokadnyj dnevnik / Podg. k pečati V. S. Garbuzova, I. M. Steblin-Kamenskij. St.Petersburg, 1998.
- ³³ Zhilinskij I. I. Blokadnyj dnevnik // Voprosy' istorii. 1996. N 5–6.
- ³⁴ Arxiv Bol`shogo Doma: Blokadny'e dnevniki i dokumenty' / Sost. S. K. Bernev, S. V. Chernov. St.Petersburg, 2004.
- ³⁵ Shubin E. A. Blokadny'e dnevniki pisatelej // Literaturnyj Leningrad v dni blokady'. Leningrad, 1973.
- ³⁶ Vishnevskij V. Sobr. soch.: V 5 t. T. 3. Moscow, 1956.
- ³⁷ Olga. Zapretnyj dnevnik. Dnevniki, pis`ma, proza, izbranny'e stixotvoreniya i poe'my' Ol'gi Berggol`c. St.Petersburg, 2010.
- ³⁸ Dozhivem li my' do tishiny? Zapiski iz blokadnogo Leningrada / Otv. red. V. M. Koval`chuk. Sost. V. M. Koval`chuk, A. I. Rupasov, A. N. Chistikov. St.Petersburg, 2009.
- ³⁹ «Ya ne sdamsya do poslednego...» / Otv. red. V. M. Koval`chuk. Sost. V. M. Koval`chuk, A. I. Rupasov, A. N. Chistikov. St.Petersburg, 2010.
- ⁴⁰ Chekrizov V. F. Dnevnik blokadnogo vremeni // Trudy' Gosudarstvennogo muzeya istorii Sankt-Peterburga. Vy'p. 8. St.Petersburg, 2004.
- ⁴¹ Yarov S. V. Blokadnaya e`tika. St.Petersburg, 2011.
- ⁴² Pyankevich V. L. Sem'ya v osade (Leningrad 1941–1944 gg.) // Bitva za Leningrad: Problemy' sovremenny'x issledovanij: Sbornik statej. St.Petersburg, 2007.
- ⁴³ Zhizn` i by't blokirovannogo Leningrada: Sbornik nauchny'x statej / Otv. red. B. P. Belozеров. St.Petersburg, 2010.
- ⁴⁴ Chelovek i lichnost'` kak predmet istoricheskogo issledovaniya. Rossiya (konec XIX–XX vv.). Mezhdunarodnyj kollokvium. Sankt-Peterburg, 7–10 iyunya 2010 g. Nauchny'e doklady'. St.Petersburg, 2010.
- ⁴⁵ Oborona Leningrada. 1941–1944. Vospominaniya i dnevniki uchastnikov / Otv. red. A. M. Samsonov. Leningrad, 1968.
- ⁴⁶ Sheglov D. V opolchenii. Moscow, 1960.
- ⁴⁷ Erugin N. P. O tex, kto vy'stoyal. Minsk, 1961.
- ⁴⁸ Bychevskij B. V. Gorod-front. Moscow, 1963.
- ⁴⁹ Zhdanov N. N. Ognevoj shhit Leningrada. Moscow, 1965.
- ⁵⁰ Podvig Leningrada. Moscow, 1960.
- ⁵¹ Svoim oruzhiem. Moscow, 1961.
- ⁵² Devyat` sot dnei. Leningrad, 1962.
- ⁵³ Radi tvoej zhizni. Leningrad, 1962.
- ⁵⁴ V ognennom kol`ce. Leningrad, 1963.
- ⁵⁵ Shukina E. L. Ocherki blokadny'x dnei. St.Petersburg, 2010.
- ⁵⁶ Deti i blokada: Vospominaniya, fragmenty' dnevnikov. St.Petersburg, 2009.
- ⁵⁷ Mediki i blokada: Vzglyad skvoz` gody'. St. Petersburg, 2007.
- ⁵⁸ «My' znaem, chto znachit vojna». Vospominaniya, pis`ma, dnevniki universantov voenny'x let. St.Petersburg, 2010.
- ⁵⁹ Alshic D. N. Za nami by'l nash gordy'j gorod. St.Petersburg, 2010.
- ⁶⁰ Leningrad, blokada, podvig. Fotoal`bom. Leningrad, 1984.
- ⁶¹ Nikitin V. A. Neizvestnaya blokada. Leningrad 1941–1944. Fotoal`bom. St.Petersburg, 2002.

⁶² Kovalchuk V. M., Chistikov A. N. Leningrad v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny'. Oчерki. Dokumenty'. Fotografii. St.Petersburg, 2005.

⁶³ Bolshakova O. V., Borzenko S. B., Kozhemyakin A. O. Piskarevskoe memorial'noe kladbishhe: Tragediya Leningrada. St.Petersburg, 2010.

⁶⁴ Dzyuba E. V. Golod i zaboлеваemost' v fotodokumentax CKAKFFD SPb // Zhizn' i smert' v osazhdennom Leningrade. Istoriko-medicinskij aspekt. St.Petersburg, 2001.

⁶⁵ Hass J. Vy'zhivanie v gody' vojny' i «istoriya». Problema samostoyatel'nosti vy'bora i razlichny'e modeli chelovecheskogo povedeniya vo vremya leningradskoj blokady' // Rossiya. Vek dvadcaty'j: Sbornik statej k 95-letiyu doktora istoricheskix nauk V. M. Koval'chuka. St.Petersburg, 2011.

⁶⁶ Yarov S. V. Leningradcy' v smutnoe vremya: predposylki izmeneniya nraivstvenny'x cennostej // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. Ser. Istoriya. 2008. N 4.

⁶⁷ Dzeniskevich A. R. Na grani zhizni i smerti. Rabota medikov-issledovatelej v osazhdennom Leningrade. St.Petersburg, 2002.

⁶⁸ Lomagin N. A. Leningrad v blokade. St.Petersburg, 2005.

⁶⁹ Mashanskij F. I. Surovy'j e' kzamen // Listki blokadnogo kalendarja. Vy'p. 1. Leningrad, 1988.

⁷⁰ Magaeva S. V. Fiziologicheskie i psixologicheskie predposylki vy'zhivaniya blokadnikov // Zhizn' i smert' v osazhdennom Leningrade. Istoriko-medicinskij aspekt. St.Petersburg, 2001.

⁷¹ Demidov V. I. Snaryady' dlya fronta. Leningrad, 1985.

⁷² Rogova N. B. Vkus 125 g xleba (oni uchili i uchilis' v blokadnom Leningrade) // Zhenshhiny' Leningrada v gody' blokady'. St.Petersburg, 2005.

⁷³ Kozlov N. D. Rol' duxovny'x sil naseleniya v period blokady' // Zhenshhiny' Leningrada v gody' blokady'. St.Petersburg, 2005.